

УДК 81'37

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-14-22

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ФАКТОР ЕГО ПРОИЗВОЛЬНОСТИ

Савицкий В. М.*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы установить совместное влияние мотивированности и конвенциональности языкового знака на его произвольность. На примерах показывается, как частичная произвольность употребления языковых знаков повышает функциональный потенциал естественного языка. Делается вывод, что частичная произвольность знака, проистекающая из сочетания его частичной мотивированности и частичной конвенциональности, придаёт естественному языку гибкость, семантическую подвижность и адаптивность к конкретным ситуациям. Статья адресована всем интересующимся фундаментальными вопросами общего языкознания и лингвосомиотики.

Ключевые слова: мотивированность, конвенциональность, произвольность, смысловая вариативность языкового знака, семантическая транспозиция, языковое значение, речевой смысл.

JOINT ACTION OF LANGUAGE SIGN CONVENTIONALITY AND MOTIVATEDNESS AS A FACTOR OF ITS ARBITRARINESS

V. Savitsky*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 ulitsa M. Gorkogo, Samara 443099, Russian Federation*

Abstract. The article is aimed at ascertaining the joint effect of language sign conventionality and motivation on its arbitrariness. Examples are given to show how partial arbitrariness of language signs' usage augments the natural language functional potential. A conclusion is drawn that partial arbitrariness of language signs, arising from the combination of their partial motivation and partial conventionality, gives natural language flexibility, semantic mobility and situational adaptability. The article is addressed to all those who take an interest in the issues of General Linguistics and Linguistic Semiology.

Key words: language sign motivation, conventionality, arbitrariness, semantic variability, semantic transposition, language meaning, speech sense.

О соотношении произвольности и непроизвольности языкового знака высказывались разные суждения. «Разве можно придавать слову какой угодно смысл? – спросила Алиса. – А разве я своим словам не хозяйин? – ответил Шалтай-Болтай» (Л. Кэрролл). «Ты, кесарь, хозяйин людям, но не словам» (Ноний Марцелл). Сказочный персонаж и античный грамматист придерживаются

противоположных мнений. Первый уверен, что он вправе придавать словам любой смысл, какой ему заблагорассудится. Второй убеждён, что в этом не волен даже император. Их примиряет поэт, сказавший: «Мой царь! Мой раб! Родной язык!» (В. Брюсов). Эта строка перекликается с утверждением Ф. де Соссюра о том, что языковой знак одновременно произволен и непроизволен: «Языку как бы говорят: “Выбирай!”, но тут же добавляют: “вот этот знак, а не другой”» [9, с. 74].

Произвольность и непроизвольность языкового знака состоят друг с другом не в контрадикторном (взаимоисключающем), а в контрарном (взаимодополняющем) отношении: они сосуществуют в одном знаке и находятся в обратной пропорции. Непроизвольность знака, поддерживая стационарность языковой системы, обеспечивает взаимопонимание между людьми, а произвольность знака, способствуя эволюции языка, позволяет передавать новое содержание с помощью имеющихся средств.

Термины *произвольность* и *конвенциональность (условность) знака* нередко употребляются как синонимы. Однако, на наш взгляд, их следует разграничивать. По Р. О. Якобсону, конвенциональность знака основана на «установленной по соглашению ... смежности между означаемым и означающим» [11, с. 28]. Соглашение (конвенция) – это как раз то, что противостоит произвольности языкового знака. Конвенция предписывает всем членам языкового коллектива употреблять знак в речи определённым образом, в соответствии с его значением, закреплённым в системе языка.

Полная мотивированность языкового знака тоже препятствует его про-

извольности, не оставляя знаку возможности речевого семантического варьирования. Таким образом, произвольности знака противопоставлена его непроизвольность, которая складывается из конвенциональности и мотивированности. Произвольность возникает у знака лишь при условии **неполного** проявления этих свойств. Поясним этот тезис.

Наряду с языковым (системным) значением в содержание знака входят речевые смыслы, которые возникают в контекстах и носят индивидуальный характер. О соотношении языкового значения и речевых смыслов писали многие учёные. Приведём ряд высказываний на эту тему.

Л. С. Выготский: «Смысл слова всегда оказывается ... динамическим, текучим, сложным образованием ... Слово ... впитывает из всего контекста ... интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить больше или меньше, чем содержится в его значении» [2, с. 311, 312].

С. О. Карцевский: «Точная семантическая значимость слова может быть достаточно установлена лишь в зависимости от конкретной ситуации ... Мы постоянно транспонируем, переносим ценность знака ... Адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [3, с. 81].

И. А. Стернин: «Любой взрослый носитель языка может использовать слово и в таком смысле, в каком он лично это слово никогда не слышал, а также поймёт большинство новых для себя употреблений слов» [10, с. 10].

М. Н. Правдин: «Никакую словесную экспликацию содержания поня-

тия или значения невозможно сделать единственной и обязательной для всех ситуаций... Такие экспликации по природе своей множественны и вследствие этого релятивны и более или менее субъективны» [7, с. 34].

Обобщая, можно сказать: произвольность языкового знака – это возможность смыслового варьирования знаков-событий в рамках знака-типа. Постоянный (инвариантный) компонент содержания знаков-событий, который обусловлен системой языка и обеспечивает взаимопонимание, носит произвольный характер, а переменный (вариативный) компонент, обновляющий стандартное значение, представляет собой реализацию потенциальной произвольности знака.

Но и этот компонент содержания знака не абсолютно произволен. Он обусловлен внешним фактором – контекстом, речевой ситуацией и целью высказывания (т. е. тем, что М. Халлидей [12] называл коммуникативным регистром речи), а также внутренним фактором – характером языкового значения знака, задающим границы и направления его семантического варьирования в речи. Варьирование осуществляется в форме транспозиции семантической стороны знака (термин Е. Куриловича [4, с. 61]), которую далее для краткости мы будем именовать семантической транспозицией. Произвольность языкового знака – это транспонируемость его значения в речи. Многообразная и непредсказуемая в её ситуативной конкретности, она всё же вписывается в конечный набор абстрактных схем (моделей), к числу которых относятся расширение, сужение, сдвиг, перенос значения (описанные в нашей работе [8, с. 63–70]) и ряд других.

Речевая транспозиция языкового знака иногда приводит к тому, что у этого знака возникают новые значения. Тот или иной ситуативный смысл, появившийся у знака в результате транспозиции, порой закрепляется в системе языка в качестве производного (переносного, расширенного, суженного, сдвинутого или иного) значения знака. Речевая произвольность знака, становясь фактом языка, превращается в конвенциональность.

В качестве примера можно привести семантическое развитие слова *балык*, которое было заимствовано русским языком из тюркских в значении 'рыба' (в русских словарях с XVIII в.). Позднее его значение сузилось: оно стало обозначать лишь хребтовую часть рыб ценных пород, обработанную особым способом. В XX столетии значение слова *балык* расширилось, но не в обратном направлении (это слово не стало вновь обозначать просто рыбу), а в ином направлении: в объём его значения вошло также мясо (в основном свиное), обработанное тем же способом. Рассматриваемое в диахронии, значение слова *балык* предстаёт как суженно-расширенное (= сдвинутое).

Пропорция произвольности / непроизвольности варьируется в широких пределах у разных видов знаков. Ввиду того, что конвенциональность и мотивированность, рассматриваемые по отдельности, являются факторами, противодействующими произвольности, полностью конвенциональные (немотивированные) и полностью мотивированные (неконвенциональные) знаки непроизвольны. Наибольшей произвольностью характеризуются те знаки, у которых конвенциональность и моти-

вированность неполны и представлены примерно в равной пропорции.

Сочетаясь в знаке в той или иной пропорции, конвенциональность и мотивированность не препятствуют, а напротив, парадоксальным образом способствуют тому, что продуцент речи получает возможность применять знак в речи в той или иной мере (но не полностью) произвольно. Между конвенциональностью и мотивированностью возникает «зазор», «люфт», в границах которого существует произвольность знака. Обоснуем этот тезис.

Полностью конвенциональный знак семантически ригиден. Значение такого знака жёстко детерминировано конвенцией. Оставаясь полностью конвенциональным, он не способен изменять своё значение – этого не допускает языковая система, в рамках которой конвенция выступает как «ценность» знака (по Ф. де Соссюру, его место в системе). Значение такого знака может измениться по внешней причине – если изменится объект номинации или структура семантического поля. Но внутренней потенции к семантическим изменениям у такого знака нет, и как раз по причине его полной конвенциональности. Всякое речевое модифицирование значения нарушает конвенцию, снижает конвенциональность знака.

Но речевая семантическая транспозиция языкового знака не может быть немотивированной. Шалтай-Болтай в данном вопросе был неправ: нельзя придавать слову какой угодно смысл. Нельзя, например, придать слову *рука* произвольные речевые смыслы ‘кастриюля’, ‘темнота’ или ‘грусть’, ибо для такого семантического преобразования нет мотива. Оно неизбежно при-

вело бы к коммуникативному сбою (недоразумению).

Но в том или ином конкретном случае можно назвать «рукой» слоновий хобот или осьминожье щупальце, и это будет понятно, ибо в данном случае смысловое преобразование мотивировано функциональным подобием руки, хобота и щупальца. В таком употреблении слово обычно пишется в кавычках, например: *Голова осьминога несёт восемь длинных щупалец – «рук»*. Эти «руки» соединены тонкой перепонкой¹.

Таким образом, у того знака, который в системе языка полностью конвенционален, речевая семантическая транспозиция ведёт к снижению конвенциональности и появлению частичной мотивированности.

В тех случаях, когда речевая транспозиция закрепляется в языке, новое значение языкового знака становится частично конвенциональным, а частично – мотивированным. Таково, к примеру, значение ‘влиятельный покровитель’ у слова *рука*. В таких случаях слово, как правило, пишется без кавычек, например: *Причину успеха соперников он знал твердо – у них у всех рука в министерстве была* (М. Успенский).

Что касается полностью мотивированного языкового знака, он тоже семантически ригиден – так же, как и полностью конвенциональный знак. Его значение жёстко обусловлено, но не конвенцией, а аддитивностью, т. е. совпадением значения целого знака с суммой значений его частей.

Так, название *броневой снаряд* означает ‘снаряд для пробивания брони’ – не больше и не меньше. Оно не

¹ Осьминоги [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Осьминоги> (дата обращения: 22.11.2018).

может означать ничего иного, пока оно остаётся полностью мотивированным. Речевое транспонирование такого значения нарушает аддитивность; это снижает мотивированность данного названия. Например, футбольные болельщики, восхищённые тем, как Пеле прорывает линию защиты, дали ему прозвище «бронейбойный снаряд». Этот речевой смысл не полностью мотивирован, ибо заранее не предсказуем и не выводится однозначно из суммы значений частей этого прозвища. Понять его позволяет контекст.

Если речевая транспозиция такого знака закрепляется в языке, это приводит к появлению нового языкового (системного) значения – частично мотивированного, а частично конвенционального. Таково, к примеру, значение 'жертва вымогательства' у устойчивого оборота *дойная корова*.

Как видим, снижение конвенциональности знаков и снижение их мотивированности ведут к одному и тому же результату – возникновению знаков, которые частично конвенциональны, а частично мотивированы. Эти противоположно направленные тенденции «встречаются на полпути». Шкала конвенциональности–мотивированности знаков есть одновременно шкала их произвольности–непроизвольности. На одном полюсе шкалы располагаются полностью конвенциональные знаки, а на другом полюсе – полностью мотивированные знаки. И те, и другие лишены произвольности.

Произвольность возрастает от одного полюса к другому, достигает максимума на середине шкалы и затем снижается до нуля на другом полюсе. На середине шкалы находятся знаки, у которых произвольность и непроизволь-

ность примерно равны. Это максимально возможная степень произвольности знаков. Подчеркнём ещё раз: полной произвольности у знака быть не может, поскольку она не обеспечивает взаимопонимания. Закономерен тот факт, что Алиса не поняла Шалтая-Болтая, когда он по своей прихоти придал слову *glory* (слава) полностью произвольный смысл "a nice knock-down argument" ('неотразимый довод').

Если для наглядности свернуть вышеупомянутую линейную шкалу в кольцо, на стыке полюсов произвольность знаков будет нулевой, а в диаметрально противоположной точке кольца (назовём её точкой икс) – максимально возможной. В точке икс находятся знаки, наиболее подвижные семантически – в том смысле, что они допускают максимально возможное варьирование в речи. Мотивированный компонент их значения, оставаясь неизменным во всех случаях их употребления, составляет фундамент семантической транспозиции, предотвращая коммуникативные сбои при речевом семантическом варьировании знаков, а конвенциональный компонент задаёт пределы варьирования.

Языковые знаки располагаются по всему периметру этой шкалы в зависимости от пропорции их конвенциональности–мотивированности. В точке икс располагаются прежде всего метафорические знаки. Например, образная основа фразеологизма *выносить сор из избы* теоретически допускает разные варианты осмысления: 'разглашать внутриколлективные дразги', 'отделяться от чего-то ненужного', 'облегчать душу тяжёлым признанием', 'наводить порядок' и т. п. [1, с. 8]. Но языковая конвенция огра-

ничивает поле возможных осмыслений образной основы этого фразеологизма, утверждая первый из перечисленных вариантов как его реальное значение. Это языковое значение лежит в основе конкретных (частично произвольных) речевых смыслов – таких как ‘публиковать в центральной прессе разоблачение местных махинаторов’, ‘рассказывать посторонним о своих семейных неурядицах’, ‘говорить на общем собрании производственного коллектива о нездоровой атмосфере в своём подразделении’ и др. Как видим, образная мотивированность знака задаёт поле смыслов, конвенциональность сужает это поле, и внутри этого суженного поля существует произвольность.

В таких случаях знание языкового значения знака подразумевает знание схемы и пределов его речевого семантического варьирования. Эта схема определяется характером мотивированности значения знака, а эти пределы – характером его конвенциональности. Вместе они составляют те «правила содержательного варьирования» знака, которые, по верному утверждению М. В. Никитина, существуют на втором ономаσιологическом уровне языка вместо жёстко заданных значений [6, с. 100].

Таким образом, структура произвольного компонента значения знака в общих чертах задаёт структуру его произвольного компонента. В конкретных же чертах, как отмечалось выше, ее задают контекст, речевая ситуация и цель высказывания, т.е. коммуникативный регистр речи.

Может показаться, что наименование *обусловленная произвольность* содержит противоречие в терминах. Однако, на наш взгляд, противоречия

здесь нет. Ведь выше мы показали, что произвольность знака никогда не бывает абсолютной. Она существует, но в определённых границах.

Семантически ригидные знаки, не обладающие (или обладающие лишь минимальной) произвольностью, удобны для применения в тех сферах духовного производства, в которых требуется жёсткое логическое мышление, оперирование строгими понятиями, однозначность выражения мысли (в точных науках, юриспруденции, официальных документах и т. п.). Не случайно одним из самых важных свойств термина считается независимость или минимальная зависимость его значения от контекста.

В свою очередь, семантически подвижные знаки, которые обладают повышенной произвольностью, удобны для использования в тех областях интеллектуально-духовной деятельности, где требуются отступления от жёстких правил формальной логики, оперирование размытыми понятиями и неоднозначность (полиинтерпретативность) выражения (в философии, искусстве, юрицике и т. п.).

Человеческий разум, стремясь «объять необъятное», т.е. отразить бесконечно разнообразную и непрерывно меняющуюся внеязыковую действительность с помощью знаковых средств, ограниченных в своих возможностях, постоянно сталкивается с тем, что новый смысл стремится «выйти из берегов» имеющихся языковых правил. Потому эти правила иногда нарушают, транспонируя ранее установленную ценность языковых знаков. Некоторые из таких нарушений сами становятся правилами, но уже на ином, более высоком уровне семи-

озиса. Над первичным кодом языка надстраиваются вторичные коды, менее ригидные. Усложняясь, знаковая система становится поликодовой и вливается в поликодовую мегасистему культуры. Речевая семантическая транспозиция – полигон глоттогенеза. Усложнение простых знаковых систем, образование на их базе знаковых систем более высоких уровней – способ познания и осмысления мира.

Определённая произвольность необходима языкам – инструментам интеллекта. Новые смыслы и значения создаются путём семантической транспозиции знаков по эвристическим алгоритмам (моделям) речевой деятельности. Умение оперировать эвристическими алгоритмами входит в понятие интеллекта – нежёстко запрограммированной системы, способной осуществлять поведение (в том числе речевое), одновременно новое и целесообразное [5, с. 557]. Человеческий разум не может обойтись без семантически гибких и подвижных знаковых средств.

Что касается электронных информационных систем, они, на наш взгляд, смогут претендовать на статус искусственного интеллекта лишь тогда, когда научатся применять не только строгие, но и эвристические алгоритмы знаковой деятельности. Если машина будет обучена какому-либо естественному человеческому языку, добиться от неё порождения полноценной речи на этом языке можно бу-

дет только в том случае, если машина научится транспонировать семантическую «ценность» языковых знаков в конкретных контекстах и речевых ситуациях. Это представляется весьма сложной задачей, поскольку умение адекватно (с точки зрения данной культуры) оценивать параметры контекстов и речевых ситуаций – т. е. осмысливать устройство мира – требует вдобавок к освоению вербального языка овладения социальными и культурными кодами.

Частичная произвольность речевого употребления языковых единиц, проистекающая из асимметричного дуализма языкового знака, повышает функциональный потенциал естественного языка. Это его необходимое и весьма ценное свойство, выгодно отличающее его от искусственных формализованных знаковых систем.

Итак, взаимодействие конвенциональности и мотивированности в составе языкового знака обеспечивает возможность его семантической транспозиции, лежащей в основе частичной произвольности знака. Она придаёт языку гибкость, семантическую подвижность и адаптивность к ситуациям. Её анализ в целях установления специфики функционирования естественного и разработки искусственного интеллекта – перспективное направление лингвистических изысканий.

Статья поступила в редакцию 09.11.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: URSS, 2010. 224 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Национальное образование, 2016. 368 с.
3. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языкознание: хрестоматия / сост. А. В. Блинов и др. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 76–81.

4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: Тривиум, 2000. С. 57–70.
5. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. М. Семиосфера: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 557–567.
6. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир: Владимирский государственный педагогический институт, 1974. 222 с.
7. Правдин М. Н. Словарное толкование, наглядность и здравый смысл // Лингвистическая семантика и логика: сборник научных трудов. М.: Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 1983. С. 32–42.
8. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: URSS, 2016. 256 с.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. М., Берлин: Директ-медиа, 2015. 239 с.
11. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Введение в языкознание: хрестоматия / сост. А. В. Блинов и др. М.: Академический Проект, 2005. С. 26–44.
12. Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold Publishers, 1978. 256 p.

REFERENCES

1. Amosova N. N. *Osnovy angliiskoi frazeologii* [The basics of English phraseology]. Moscow, URSS Publ., 2010. 224 p.
2. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'*. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological research]. Moscow, Natsional'noe obrazovanie Publ., 2016. 368 p.
3. Kartsevsky S. O. [On the asymmetric dualism of the linguistic sign]. In: Blinov A. V. et al., comp. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, pp. 76–81.
4. Kurilovich E. [The lexical derivation and the syntactic derivation]. In: Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Birobidzhan, Trivium Publ., 2000, pp. 57–70.
5. Lotman Yu. M. [Culture as collective intellect and problems of artificial intelligence]. In: Lotman Yu. M. *Semiosfera: Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. [Semiosphere: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB Publ., 2000, pp. 557–567.
6. Nikitin M. V. *Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii* [The lexical meaning in the word and phrase]. Vladimir, Vladimir State Pedagogical Institute Publ., 1974. 222 p.
7. Pravdin M. N. [Vocabulary interpretation, clarity and common sense]. In: *Lingvisticheskaya semantika i logika* [Linguistic semantics and logic]. Moscow, P. Lumumba Peoples' Friendship University Publ., 1983, pp. 32–42.
8. Savitsky V. M. *Osnovy obshchei teorii idiomatiki* [The foundations of the general theory of idiomatics]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 208 p.
9. Sosyur F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of General linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2016. 256 p.
10. Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [The lexical meaning of the word in speech]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 239 p.
11. Jakobson R. O. [In search of the essence of language]. In: Blinov A. V. et al., comps. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, pp. 26–44.
12. Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation of Language and Meaning. London, Edward Arnold Publishers, 1978. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савицкий Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: lampasha90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Savitsky – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education;
e-mail: lampasha90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савицкий В. М. Взаимодействие конвенциональности и мотивированности языкового знака как фактор его произвольности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 14–22.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-14-22

FOR CITATION

Savitsky V. M. Joint action of language sign conventionality and motivatedness as a factor of its arbitrariness. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 14–22.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-14-22